

В. Д. РАК

ГИПОТЕЗЫ ОБ ИЗДАТЕЛЕ ЖУРНАЛА «СМЕСЬ»

Среди не получивших до сих пор окончательного решения загадок, оставленных литературой XVIII в., большой интерес представляет вопрос о том, кто был издателем журнала «Смесь» — единомышленником Н. И. Новикова, решительно принявшим его сторону в полемике 1769 г. и скрестившим сатирические шпаги со «Всеякой всячиной».

До середины прошлого века, т. е. в течение почти целого столетия, никаких разногласий по этому поводу в печати, насколько известно, не высказывалось. На закате жизни Новикова «Смесь» была приписана ему,¹ и от него, судя по всему, не последовало ни опровержений, ни разъяснений. Впоследствии Е. Болховитинов повторил эту атрибуцию безоговорочно, как самое собою разумеющуюся и не требующую доказательств.² Сомнения в ее справедливости возникли несколько позднее — у Н. Н. Булича, который выдвинул против нее ряд существенных возражений. Во-первых, указал он, начинающий литератор, каковым был Новиков в 1769 г., вряд ли смог бы вести параллельно два журнала, хотя бы уже потому, что при тогдашнем состоянии русской словесности нелегко было найти сотрудников. Во-вторых, ни одна статья из «Смеси» не была перепечатана в «Живописце», в то время как он избрал многое из «Трутня». В-третьих, как считал Н. Н. Булич, «нельзя узнать живого, чисто русского тона, меткой сатиры „Трутня“ в спокойном и по большей части однообразном изложении „Смеси“». Наконец, в-четвертых, он отметил различия в написании одинаковых слов, невозможные, по его мнению, у одного издателя (например, «чувство» в «Трутне» и «чювство» в «Смеси»). Свои рассуждения Н. Н. Булич заключил следующим выводом: «Вопрос, следовательно, о том, кому принадлежит „Смесь“ и кто был ее издателем, остается, по нашему мнению, нерешенным вопросом в истории нашей литературы, за неимением прямых библиографических указаний».³ С этими аргументами согласился А. Н. Афанасьев, повторивший их в своем фундаментальном (для

¹ Письмо сельского дворянина к издателю // Моск. зритель. 1806. Ч. 2, апрель. С. 6.

² Евгений [Болховитинов Е.]. Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России. М., 1845. Ч. 2. С. 103.

³ Булич Н. Н. Сумароков и современная ему критика. СПб., 1854. С. 239.

середины XIX в.) труде, посвященном русской сатирической периодике.⁴ Через полвека В. П. Семенников добавил еще один существенный довод. Опираясь на исследование В. Ф. Солнцева, установившего франкоязычные источники большого числа статей в «Смеси», он считал «несомненным, что журнал этот составлялся лицом, оглично знакомым с соответственной западноевропейской литературой», чего, утверждал он, «совершенно нельзя сказать о Н. И. Новикове» (Сем. С. 27). Таким образом, первоначальная атрибуция была признана полностью опровергнутой, так что к ее обсуждению не возвращались более шестидесяти лет; если о ней вспоминали, то лишь как о неподтвердившейся гипотезе (Гук. С. 252; Благ. С. 284), а в ряде солидных трудов она вообще была обойдена молчанием.⁵ Вместе с тем не вызвало сомнений построенное на весьма шатком фундаменте предположение Л. Н. Майкова об участии Новикова в «Смеси» в качестве эпизодического сотрудника и о принадлежности ему в ней двух писем и одной эпиграммы.⁶

Образовавшаяся пустота требовала заполнения, и В. П. Семенников выдвинул свою гипотезу об издателе «Смеси». Исходным ее пунктом стало убеждение исследователя в том, что «едва ли это было лицо, случайное в литературе, ничем ни ранее, ни после себя не зарекомендовавшее», и что, следовательно, его «нужно искать в числе более известных, даже более талантливых, писателей того времени», причем оно «должно быть хорошо знакомым с соответствующей западноевропейской литературой» (Сем. С. 28). Эти положения, сформулированные на основе, как уже говорилось, сведений об иностранных источниках «Смеси», выявленных В. Ф. Солнцевым, резко сузили область поиска — и без того очень малую вследствие, говоря словами В. П. Семенникова, «редкости писательского дара в то время» (Сем. С. 28). Если исключить авторов, находившихся в Москве, а также состоявших в полемике со «Смесью» или же подвергавшихся нападкам на ее страницах, оставался лишь один писатель, удовлетворявший названным условиям и по своим взглядам, литературным отношениям, а также по характеру деятельности отвечавший представлению об издателе «Смеси», каким оно складывается из содержания журнала. «В то время не было другого писателя, который бы в такой степени соответствовал „Смеси“, как Эмин», — заключил В. П. Семен-

⁴ Афанасьев А. Н. Русские сатирические журналы 1769—1774 годов: Эпизод из истории русской литературы XVIII века. 2-е изд. Казань, [1921]. С. 17—18.

⁵ В том числе в самой обстоятельной монографии последних десятилетий о Н. И. Новикове. См.: Макогоненко Г. П. Николай Новиков и русское Просвещение XVIII века. М.; Л., 1951. С. 141.

⁶ Майков Л. Н. Очерки из истории русской литературы XVII и XVIII столетий. СПб., 1889. С. 402—403. Основанием для атрибуции послужило сравнение этих материалов, метивших в В. П. Петрова и В. И. Лукина, со статьями об этих писателях в «Опыте исторического словаря о российских писателях» Н. И. Новикова.

ников, подытоживая наблюдения, которыми была обоснована эта предложенная атрибуция (Сем. С. 36).

Аргументация В. П. Семенникова сводилась к следующим пунктам. Эмин был профессиональным писателем, хорошо начитанным в западноевропейской литературе (как явствует из его трудов и отзыва о нем Новикова) и очень плодовитым, а потому способным вести одновременно два журнала. Он состоял в хороших, вероятно дружеских, отношениях с издателем «Трутия», и под этим углом зрения идейная близость двух журналов становится одним из сильных доводов в пользу атрибуции ему «Смеси», в которой к тому же было помещено рекламное объявление о его «Российской истории» (Смесь. Л. 38. С. 304) и напечатано с его сопроводительной заметкой письмо В. М. о корыстолюбивом священнике, присланное в «Адскую почту» (Смесь. Л. 17. С. 129—131). Отдельные высказывания издателя «Смеси» о сатире (Смесь. Л. 15. С. 114) перекликаются с декларациями Эмина в «Адской почте» и с интерпретацией его взглядов по этому вопросу в полемических выпадах по его адресу Сумарокова и Чулкова (Сем. С. 36). Наконец, задетые «Смесью» писатели — Чулков и В. П. Петров — в своих ответных сатирах и заявлениях единодушно указывали намеками на Эмина как на автора острых критических о них замечаний и отзывов, появившихся на ее страницах (Сем. С. 29—34).

При первом рассмотрении эти доводы произвели впечатление веских и доказательных. «Точка зрения В. П. Семенникова с 1914 г. не оспаривалась в науке», — было констатировано через два с половиной десятилетия (Гук. С. 252). Еще восемью годами позже А. В. Западов категорически утверждал, что в 1769 г. Эмин издавал одновременно еженедельную «Смесь» и ежемесячную «Адскую почту»,⁷ а в авторитетном вузовском учебнике того же времени говорилось, что В. П. Семенников «довольно убедительно обосновал издание „Смеси“ Ф. А. Эминым» (Благ. С. 284).

Между тем постепенно стали накапливаться контраргументы. С ними выступил П. Н. Берков. Первоначально в небольшой заметке им был оспорен сделанный Р. М. Тонковой на основании документов Архива Академии наук вывод, согласно которому предполагавшийся в 1771 г. к изданию журнал «Демокрит» был заменен журналом «Трудолюбивый муравей», названным в одном рапорте фактора А. Лыкова «смесью» в значении «еженедельное издание» (Тонк. С. 393—397). Указав на несогласованность документов между собой при таком их толковании, П. Н. Берков предположил, что лист с осьмупунктою (18 страниц) несостоявшегося «Демокрита» был включен во «второе тиснение» (т. е. присоединен к оставшимся пераспроданным комплектам) «Смеси», новый титульный лист которой обещал «многие прибавления».⁸ Из этого

⁷ История русской литературы. М.; Л., 1947. Т. 4. С. 257.

⁸ Этими отнюдь не многими прибавлениями были стихотворный перевод героиды «Письмо Каина к Мегале» французского поэта Жана-Пьера Костара (Costard, 1742—1814) и стихотворение «Несчастный».

следовало, что за «вторым тиснением» стоял некто, имевший к нему творческое отношение; и логично было заключить, что им был «литературный издатель „Смеси“, какой-то современный писатель, а не умерший в 1770 г. Ф. А. Эмин» (Берк. 1945. С. 38—40). Позднее к этому добавились и другие возражения (Берк. 1950. С. 67—68; Берк. 1952. С. 246). «Адская почта», безусловно издававшаяся Эминым, была гораздо умереннее и осторожнее «Смеси» «в постановке и решении кардинальных вопросов той эпохи». Не упомянута «Смесь» в «Опыте исторического словаря о российских писателях» Новикова в подробном перечне сочинений Эмина, в то время как «Адская почта» там значится. Если принять гипотезу В. П. Семенникова, то не поддается объяснению тот факт, что свое письмо по поводу нападок Чулкова (ИТ. № 28) на «Всякую всячину», «Трутень» и «Адскую почту» Эмин передал в журнал Новикова (Тр. 1769. № 14. С. 97—98), а не напечатал в «Смеси». Противоречит гипотезе разное написание одинаковых слов в «Адской почте» («женьщина», «чувство», «чувствую» и др.) и «Смеси» («женщина», «чювство», «чювствую» и др.). Оставался тем не менее весьма важный аргумент, который один уравнивал и, может быть, даже перевешивал все собранные опровергающие доводы, а именно убеждение Чулкова и Петрова в том, что их «обидчиком» в «Смеси» был Эмин. В связи с этим П. Н. Берков высказал предположение, что подлинному издателю, тщательно сохранявшему свое инкогнито (свидетельством чему — его анонимное, выполненное писарскою рукою прошение в Академию наук о печатании журнала), было выгодно поддерживать сложившееся мнение (Берк. 1952. С. 247).

Вывод П. Н. Беркова об ошибочности гипотезы В. П. Семенникова⁹ можно в настоящее время подкрепить, уточнив некоторые из его наблюдений и дополнив их рядом новых, выявленных в результате дальнейших разысканий.

Соображение о том, что «вторым тиснением» «Смесь» выпустил ее первоначальный издатель и что, следовательно, им не был Эмин, еще годом ранее скончавшийся, не представляется, в том виде как оно было подано П. Н. Берковым, до конца убедительным, поскольку не было найдено объяснения расхождению сведений в документах и тем самым осталось недоказанным, что к «Смеси» был присоединен материал, предназначавшийся изначально для «Демокрита» (а ряд фактов, не замеченных П. Н. Берковым, не согласуется с этим объяснением).¹⁰ Однако в основе

⁹ С оговоркою, что В. П. Семенников «не столько был неправ, сколько доверчив в восприятии тех немногих данных, какие сохранила об издателе „Смеси“ литература 1770-х годов» (Берк. 1952. С. 246).

¹⁰ Прошение купца Арефия Круглова о печатании 200 экземпляров «по приложенному <...> оригиналу в книгу Смесь на один первый лист» датировано 19 апреля 1771 г.; расчет, сделанный фактором А. Лыковым на обороте, подписан тем же числом, причем в «оригинал» входил уже титульный лист второго издания, так как А. Лыков повторил из него формулировку («Приложенного при сем собрания разных философских и критических сочинений

своей рассуждение П. Н. Беркова было правильным. Имело или нет дополнение к «Смеси» какую-нибудь связь с «Демокритом» и каким бы оно ни было скромным, купец А. Круглов, разумеется, не переводил и не сочинял его, а от кого-то получил, и естественно предположить, что этим лицом был издатель журнала. Во всяком случае в «Смеси» было напечатано много стихотворных переводов с французского языка, принадлежавших, по-видимому, самому издателю, а также некоторое количество, очевидно, его же оригинальных стихотворений, так что по своему характеру дополнения вполне согласуются с самим журналом. Кроме того, в оглавлении, приложенном ко «второму тиснению», было раскрыто авторство двух переводных диалогов: «Разговора Демокрита с Гераклитом» и «Разговора философа пиронической секты с его соседом» (см.: Приложение, № 7—8), — что мог сделать, вероятнее всего, именно тот, кто их переводил. Однако здесь возникает неожиданное обстоятельство, сильно колеблющее уже, казалось бы, подготовленный вывод: в оглавлении автором обоих сочинений назван Ж.-А.-С. Формей, в то время как им был Фенелон. Можно найти различные правдоподобные объяснения и в том случае, если предположить виновником ошибки самого издателя «Смеси», которому могла, например, изменить память, и если отнести ляпсус на счет другого лица (оно, впрочем, по логике вещей должно было бы осторожнее раскрывать авторство анонимных статей, нежели сам их переводивший). В конечном итоге важно именно то, что нельзя исключить ошибку со стороны издателя и тем самым его участие в перепечатке. Таким образом, хотя при более тщательном анализе первый тезис П. Н. Беркова против гипотезы В. П. Семенникова не получает безусловного подтверждения, все же появляются некоторые косвенные свидетельства в его пользу.

Существенно усиливается и тот пункт возражений П. Н. Беркова, который касается молчания о «Смеси» в «Опыте историче-

под именем Смесь. . .»); решение Комиссии Академии наук состоялось 22 апреля (№ 235). Прощение купца Михаила Седельникова о печатании 300 экземпляров журнала «Демокрит» было подано раньше (решение Комиссии № 179 от 4 апреля 1771 г.), но печатание осуществилось позднее. Из документов типографии за июнь 1771 г. следует, что к этому времени было напечатано 300 экземпляров двух листов с осьмушкой «Демокрита», причем, согласно рапорту А. Лыкова от 23 сентября 1771 г., этот объем сложился из листа с осьмушкой самого журнала, переименованного по авторскому желанию в «Смесь», и одного листа «Росписи». Разные заказчики, разные даты, разные тиражи и отсутствие в известных экземплярах «Смеси» какой-либо росписи не позволяют согласиться, что речь идет об одном и том же издании. К тому же первый номер «Трудолюбивого муравья» печатался тиражом 500 экземпляров и к объявлению о выходе № 1—3 была приложена роспись К. В. Миллера всего на двух страницах. (См.: Сем. С. 28—29; Тонк. С. 394—396; СК. Т. 4. С. 197, № 247). Итак, вероятнее всего были три разных издания, и одно из них («Демокрит») не состоялось. Из напечатанного листа с осьмушкой для «второго тиснения» «Смеси» осьмушку составлял титульный лист, а на 16 страницах были напечатаны «Письмо Капна», «Несчастный» и оглавление «Смеси», т. е. оглавление было изначально соединено с дополнениями и, следовательно, эти последние предназначались именно для этого издания. В оглавление включены оба дополнения, так что других, видимо, и не предполагалось.

ского словаря», так как не упоминается она и в биографии, приложенной ко второму изданию «Пути ко спасению» (СПб., 1781). Автор «Краткого описания жизни сочинителя сея книги» был, как создается впечатление, хорошо информированным знакомым покойного писателя,¹¹ так что его молчание о «Смеси» вряд ли было вызвано случайной забывчивостью или тем, что он опирался на «Опыт исторического словаря».

В «Кратком описании жизни. . .» приведено между прочим посвященное Эмину стихотворение из «Опыта исторического словаря» и, кроме того, содержится любопытное и чрезвычайно ценное указание, на которое до сих пор лишь единожды обратили внимание, не дав ему должной оценки: ¹² «Другие стихи на его [Эмина] кончину, сочиненные Секретарем > В. Г. Рубаном, находятся в еженедельнике 1770 года».¹³ Речь идет, без сомнения, о напечатанных в «Трутне» «Стихах на смерть Федора Александровича Эмина, Российской истории писателя» (Тр. 1770. № 16. С. 241—242). Но коль скоро Рубан, как явствует из этого стихотворения, был другом или по крайней мере доброжелателем Эмина, то со стороны последнего маловероятны резкие и злые на него нападки, с которыми несколько раз выступила «Смесь», насмехаясь над ним как над бездарным, никудышним поэтом и журналистом (Смесь. Л. 12. С. 91, 96; Л. 17. С. 136). Попутно следует обратить внимание на то, что в отличие от издателя «Смеси» Новиков не допустил в «Трутне» ни единой насмешки над Рубаном и поместил рекламное объявление о переведенном последним «Каноне пасхи» (Тр. 1770. № 10. С. 220).

Касаясь сопоставления позиции «Смеси» и «Адской почты» в идейной борьбе 1769 г., нельзя не признать убедительной точку зрения П. Н. Беркова, опирающуюся на оценку всего содержания журналов, в то время как В. П. Семенников сравнил мнения только по одному — пусть даже очень важному — вопросу и оперировал совпадениями лишь на уровне самых общих высказываний, отражавших общепросветительскую точку зрения.

Небезынтересное подкрепление аргументации П. Н. Беркова дают материалы, заимствованные издателем «Смеси» и Эминым в том или ином виде из произведений западноевропейской литературы. Хотя в течение полугода журналы существовали бок

¹¹ В последнем исследовании, посвященном критическому анализу различных версий биографии Ф. А. Эмина, утверждается (без указания источника сведений), что «Краткое описание. . .» было составлено петербургским купцом С. Л. Копниным, который «воспользовался, по-видимому, семейными преданиями или собственными воспоминаниями о рассказах Эмина, нехитрым образом дополнив ими сведения Новикова». С. Л. Копнин издал «Путь спасения» на основании приобретенного у Эмина права на его сочинения. См.: Н. И. Новиков и общественно-литературное движение его времени. Л., 1976. С. 198, 195. (XVIII век. Сб. 11).

¹² История и историки: Историографический ежегодник. 1972. М., 1973. С. 275, примеч. 16.

¹³ Эмин Ф. А. Путь ко спасению. . . Напечатано 2-м тиснением. СПб., 1781. С. [5] второй, нenum. пагинации.

о бок, ни одна выявленная на сегодняшний день книга, из которых были в «Смеси» напечатаны переводы, никак, даже ни единой фразой, не фигурировала в «Адской почте» — и наоборот: из французских памфлетов, составивших основной источник «Адской почты», ни одна строка не перешла в «Смесь». Теоретически это вполне объяснимо и возможно, если бы даже оба журнала издавало одно лицо; тем не менее маловероятно для того случая, если бы им был Эмин, поскольку не согласуется с характерной для него манерой компиляции, как она раскрылась при сличении «Адской почты» с ее источниками.¹⁴ Вообще, хотя приемы обращения с заимствовавшимся для «Смеси» и «Адской почты» из иностранных книг и журналов материалом еще предстоит исследовать во всей полноте, сейчас, на основании накопившихся наблюдений, можно утверждать, что при большом сходстве они, однако, существенно отличались у издателя «Смеси» и у Эмина. Первый, так же как и второй, обращался вольно с иностранным текстом, внося в него различные изменения, в том числе актуализируя его конкретными злободневными намеками на факты текущей русской жизни, однако в основном его обработки оставляют впечатление большей верности оригиналу, нежели свободные, ничем не стесненные вариации и компиляции Эмина.

Среди франкоязычных источников «Смеси» два — один бесспорный и один предполагаемый — остались неизвестными автору брошюры о «Смеси» В. Ф. Солнцеву. Это были пособия для изучающих французский язык, составленные педагогом Давидом-Этьеном Шоффеном (Choffin, 1703—1773): из его «Новой грамматики для дам» был переведен фрагмент, получивший в «Смеси» заглавие «Праздные люди», и, может быть, стихотворение «Сон г. Патрикса» (см. Приложение. № 5—6); из трехтомной хрестоматии небольших текстов различного содержания были, по всей видимости, извлечены оба диалога Фенелона и «Баснь» («Крестьянская жена для мужа своего. . .») (см. Приложение. № 7—9). И учебник, и хрестоматия Шоффена быстро проникли в Россию,¹⁵ где ими пользовались в учебных целях до конца века¹⁶ и, наверное, даже позже. О популярности и устойчивом обращении этих книг в русской среде свидетельствуют переводы из них, печатавшиеся в журналах и отдельными изданиями (см. Приложение). Почти все переводчики были в юном возрасте, и некото-

¹⁴ *Рак В. Д.* «Адская почта» и ее французский источник // XVIII век. Л., 1986. Сб. 15. С. 169—197.

¹⁵ Они значились в росписях Санктпетербургской академической лавки 1752 и 1756 гг. и в то же время продавались в Москве. См.: *Копанев Н. А.* Распространение французской книги в Москве в середине XVIII в. // Французская книга в России в XVIII в.: Очерки истории. Л., 1986. С. 124 (№ 146, 148, 149).

¹⁶ В феврале 1790 г. для нижнего французского класса Академической гимназии было приобретено в Сухопутном шляхетном корпусе 10 экземпляров «Amusemens philologiques» в 3 частях. — Архив АН СССР, ф. 3, оп. 1, д. 383, л. 202—204.

рые больше никогда в печати не выступали; ¹⁷ это дает основание полагать, что их публикации были плодом занятий французским языком. Типологически поэтому можно предположить, что издатель «Смеси» обратился первоначально к «Грамматике» и «Филологическим развлечениям» Шоффена по тем же причинам: то ли они оставались у него от того времени, когда он учился французскому языку; то ли он взял их, чтобы в нем усовершенствоваться; то ли сам преподавал этот предмет; во всяком случае, это не были у него, наверное, случайные книги, так как между первыми заимствованиями из них (см. Приложение. № 5—6) и следующими (см. Приложение. № 7—9) прошло значительное время. Ни одна из этих ситуаций не увязывается с тем, что известно об Эмине, а вместе с тем и о Новикове. Понимая всю шаткость высказанного предположения, нельзя, однако, до тех пор, пока не будет доказано обратное, исключать его из цепи возражений против атрибуции «Смеси» названным журналистам.

Вывод П. Н. Беркова остается, таким образом, по сие время неопровергнутым, и более того — в его подкрепление собираются кое-какие факты, между тем как в подтверждение гипотезы В. П. Семенникова ничего дополнительного не было найдено. В новейшей работе, автор которой придерживается мнения, что «Смесь» издавал Новиков с помощью Эмина, последнему отведена уже вторичная роль и его участие обосновывается тремя аргументами, сформулированными В. П. Семенниковым: публикацией в «Смеси» письма, присланного в «Адскую почту», и рекламного объявления о «Российской истории», а также тем, что Эмин владел несколькими языками (Шух. С. 160). Выделенные из всей системы рассуждений, в которой эти доводы первоначально состояли и находили поддержку, они потеряли свою силу: первые два могут в этом извлечении служить свидетельством лишь знакомства издателя «Смеси» с Эминым и хороших между ними отношений.

Разрушив построения В. П. Семенникова, П. Н. Берков выдвинул свою гипотезу, назвав вероятным издателем «Смеси»

¹⁷ Трое состояли в Преображенском полку в чинах, которые давались приписанным недорослям и при поступлении на действительную службу: фуриер, затем сержант Николай Хлопов, подпрапорщик Петр Калязин и Капитон Бочарников, бывший в 1779 г. подпрапорщиком (его перевод вышел в 1783 г.). У двоих точно определяется возраст, в котором они выпустили переводы: четырнадцатилетний Андрей Стахийев и двенадцатилетняя Елизавета Баскакова. В одном номере с переводом последней (см. Приложение. № 20) были напечатаны переводы Натальи Кологризовой (см. Приложение. № 21—22), которая, как можно из того заключить, была, наверное, ее подругой и сверстницей. Неизвестен возраст Екима Лукашевича и Корнилия Нилова, но они больше ничего не напечатали. Согласно расшивровке в «Указателе имен» к СК (Т. 5. С. 186) «Краткое описание славных женщин Ветхого завета» (см. Приложение. № 12) перевел в пожилом возрасте Авраам Иванович Романус (род. 1724). Если атрибуция не ошибочна и переводчиком не был, например, его внук, которого могли назвать в честь деда (на титульном листе обозначено: «Переведенное... Авраомом Романусом»), то это единственный, кажется, случай, когда извлечение из «Грамматики» Шоффена совершенно явно не связано с изучением французского языка.

Л. И. Сичкарева (Берк. 1945. С. 40), для чего стала основанием расшифровка имени Стозмей,¹⁸ под которым «Трутень» и «Смесь» неоднократно высмеивали кого-то из общих своих противников. Оправданною точкою была следующая эпиграмма (Смесь. Л. 20. С. 160):

Я думал, что Стозмей не знает ничего,
И за глупца считали мы его,
Затем что разум в нем не всякой скоро съест;
Однако я нашел, что хорошо он свищет.

В последней строке П. Н. Берков усмотрел намек на П. С. Сви-
стунова и, разобрав также другие выпады в журналах по адресу
Стозмея, пришел к выводу о том, что создаваемое ими совокупное
представление об осмеиваемом лице соответствует облику пред-
полагаемого объекта сатиры — «переводчика, театрала и крупного
бюрократа». Смысловое имя было П. С. Свиштунову подобрано, по
догадке ученого, «для обозначения того, что он „свистит“ как
сто змей». Дальнейшей цепочкой фактов устанавливалась связь
между П. С. Свиштуновым, занимавшим в то время должность
заведующего учебной частью в Сухопутном шляхетном корпусе,
и Л. И. Сичкаревым, преподававшим в этом учебном заведении,
но в конце 1768 г. перешедшим на службу в Медицинскую колле-
гию. В опубликованном «Всякой всячиной» (1769. № 8.
24 февраля. Статья 19) письме, в котором некто, подписавшийся
«Ваш усердный слуга Смесь», предлагал журналу свое сотрудни-
чество, П. Н. Берков обратил внимание на фразы, допускающие
истолкование в том смысле, что это лицо было вынуждено оставить
службу из-за каких-то разногласий с глупым начальником, воз-
мнившим себя всезнающим и ни с кем не желавшим советоваться.
В связь с этим публичным заявлением исследователь поставил
то место из письма № 100 «От Кривого к Хромононому» в ноябрь-
ском выпуске «Адской почты», где говорилось, что Правдолюбов,
высмеявший в «Смеси» (Л. 28) Стозмея и его любовницу, «изви-
нения достоин за свою повседневную почти с ним ссору» как
человек, терпевший от него «утеснения» (АП. XI. 315). Выражение
«повседневная ссора» может, по мнению П. Н. Беркова, быть
истолковано лишь однозначно — как указание на то, что Правдо-
любов «Смеси» имел ежедневные столкновения с П. С. Свишту-
новым; из чего логически вытекает, что он служил под началом
последнего в Сухопутном шляхетном корпусе, т. е. был не кем
иным, как Л. И. Сичкаревым, который (единственный из литера-
торов тех лет) покинул это заведение незадолго до появления
«Смеси».

Доводы П. Н. Беркова были признаны достаточно убедитель-
ными, хотя и не вполне доказательными. Со времени их опублико-

¹⁸ Аргументация расшифровки первоначально была приведена в следую-
щих работах: Берк. 1950. С. 59—60; Берк. 1951. С. 530 (примеч. 84). Гипо-
теза о Л. И. Сичкареве подробно сформулирована в кн.: Берк. 1952. С. 218—
219, 247—249.

вания Сичкарев называется во всех авторитетных пособиях по истории русской журналистики XVIII в. и библиографических справочниках в качестве наиболее вероятного издателя «Смеси». Однако решенным окончательно вопрос не считается.¹⁹

Действительно, в изящном сплетении тонких наблюдений обнаруживается при внимательном рассмотрении много слабых мест.

Начать с того, что ни один из намеков и выпадов сатирических журналов по адресу Стозмея не был конкретизирован соотносением с какими-либо подробностями биографии Свистунова, и потому сопоставление литературного персонажа с его предполагаемым прототипом не вышло за уровень схематически, в нескольких словах очерченной характеристики последнего, оставляющей богатые возможности для всякого рода произвольного «додумывания». Толкование последней строки эпиграммы, каким бы правдоподобным оно ни выглядело, сильно теряет от этого в своей убедительности.

Далее, справедливо было замечено, что ссора между Свистуновым и Сичкаревым не подтверждена никакими фактами или свидетельствами (Пух. С. 160).

Как тоже указывалось в противовес выводам П. Н. Беркова, в его гипотезе не получило объяснения то важное обстоятельство, что в «Опыте исторического словаря» Новиков не упомянул «Смесь» в числе литературных трудов Сичкарева (Пух. С. 161). Если умолчание о ней в статье того же словаря, посвященной Эмину, выдвинуто П. Н. Берковым в качестве одного из веских аргументов против предложенной В. П. Семенниковым атрибуции, то в равной степени этот аргумент должен действовать и против Сичкарева.

Непонятным остается также, почему, будучи столь жестоко обижен Свистуновым, что даже глухо на него пожаловался «Всякой всячине», Сичкарев (а именно он должен быть признан автором письма за подписью «Смесь», коль скоро это письмо включено в цепь доказательств как принадлежавшее будущему издателю журнала под тем же названием) в течение 19 недель ни разу не задел своего притеснителя и обрушился на него лишь после выступления «Трутня». Если принять во внимание резкость нападок

¹⁹ СК. Т. 4. С. 190 (№ 237); Русская периодическая печать (1702—1894): Справочник / Под ред. А. Г. Дементьева, А. В. Западова, М. С. Черепанова. М., 1959. С. 37—38; Западов А. В. Русская журналистика XVIII века. М., 1964. С. 86; История русской журналистики XVIII—XIX веков / Под ред. А. В. Западова. 3-е изд., испр. М., 1973. С. 43. Эта точка зрения принята и в работах по истории русской литературы и культуры XVIII в., например: Штранге М. М. Демократическая интеллигенция России в XVIII веке. М., 1965. С. 100; История русской литературы: В 4 т. Л., 1980. Т. 1. С. 577. Тем не менее в новейших вузовских курсах употребляется осторожная формулировка, согласно которой издатель «Смеси» «точно не установлен»: Татаринова Л. Е. История русской литературы и журналистики XVIII века. М., 1982. С. 176; Федоров В. И. История русской литературы XVIII века. М., 1982. С. 139.

«Смеси» на Стозмея, то первоначальное длительное молчание представляется в свете разбираемой гипотезы очень странным.

Не согласуется с фактами биографии Сичкарева родословная автора письма, которой он объясняет выбор подписи: «Я иначе не мог себя назвать, понеже прапрадед мой был венецианин, потомки его голландцы, мать моя грузинка, а я русак» (ВсВ. № 8. С. 55). Зачем бы понадобился выходцу из небогатых украинских казаков столь замысловатый маскарад? Вопрос этот не был даже поставлен, хотя без ответа на него неясна связь между подписью и журналом, название которого отражало его содержание. Восполняя пробел в рассуждениях П. Н. Беркова, можно было бы предположить, что «родословная» в завуалированной форме сообщала о характере подготовленных для публикации и предложенных «Всякой всячине» материалов, поскольку среди источников «Смеси» были периодические издания на французском языке голландского журналиста Юста ван Эффена и сочинения французского писателя Луи Антуана Караччоли, чья итальянская (строго говоря, неаполитанская) фамилия могла послужить основанием назвать его «венецианином». Однако в этой системе намеков не находится места упоминанию матери-грузинки.

Отождествляя автора письма с издателем «Смеси», П. Н. Берков никак не коснулся возможной причины, по которой не состоялось участие Сичкарева во «Всякой всячине» и тот основал свой собственный журнал. Между тем никаких видимых препятствий его сотрудничеству не выявляется. Сам факт публикации письма можно понять как доброжелательный жест. К тому же как раз в то самое, по всей вероятности, время Сичкарев работал над переводом книги Т. Димсдейла «Новый способ прививать оспу» (СПб., 1770; СК. 1898), для которой предполагаемый редактор «Всякой всячины» Г. В. Козицкий написал несколько приложений. Оба литератора поддерживали, очевидно, между собою какие-то отношения, вряд ли совместимые с позицией «Смеси», категорически отмежевывавшейся с самого начала от «Всякой всячины», отрицавшей какое-либо родство с нею (Смесь. Л. 4. С. 32) и вступившей позднее в спор с нею на стороне Новикова. С полным основанием было в полемике с П. Н. Берковым высказано возражение, что «вряд ли Сичкарев стал бы помещать резчайшие выступления против своего соавтора по переводу» (Пух. С. 161).²⁰ Этот контраргумент выглядит тем более весомым, что перевод «Нового способа» осуществлялся Сичкаревым в соответствии с выбором самой Екатерины II²¹ и был ей посвящен.

Не убеждает и воссозданная предположительно динамика отношений Новикова со Свистуновым и Сичкаревым. Проследив

²⁰ Роль Козицкого в «Новом способе прививать оспу» указана В. В. Пуховым неточно, однако существа мысли это не меняет.

²¹ Семенников В. П. Собрание, старающееся о переводе иностранных книг, учрежденное Екатериной II. 1768—1783 гг.: Историко-литературное исследование. СПб., 1913. С. 37—38.

хронологию нападков на Стозмея в «Трутне» и «Смеси», которые в последней продолжались и позже того, как новиковский журнал их прекратил, П. Н. Берков, опираясь также на сдержанное по тону и выражению письмо № 100 «Адской почты», заключил, что державшиеся хорошего мнения о Стозмее друзья Новикова (в том числе, вероятно, Эмин) сумели его переубедить и примирить с противником. Следствием этого было, по догадке исследователя, охлаждение издателя «Трутня» к продолжавшему полемику Сичкареву, которое Новиков сумел якобы выразить своеобразным приемом в «Опыте исторического словаря», поместив статью о Сичкареве в нарушение алфавита сразу после статьи о Свистунове и написав ее, по контрасту с предшествующей, в виде очень сухой и краткой заметки (Берк. 1952. С. 250). В. В. Пухов уточнил, что последний раз Стозмей упоминается в «Трутне» не 18 августа (№ 17), как ошибочно указал П. Н. Берков, а 29 сентября (№ 23; Пух. С. 160) и временной разрыв со «Смесью», где тема Стозмея завершилась 7 ноября (Л. 33), оказывается не столь уж значительным. К этому следует добавить, что в «Трутне» от 22 декабря (№ 35) содержится выпад против Перекрасы, фигурировавшей ранее в качестве любовницы Стозмея и его подстрекательницы. Задеть лишний раз Перекрасу (пусть даже без конкретных намеков, а как типизированный образ) значило, без сомнения, еще раз напомнить о Стозмее и тем самым нанести ему лишний удар. Поскольку, таким образом, последнюю сатирическую стрелу пустил не издатель «Смеси», а Новиков, то все приведенные выше рассуждения об изменении отношений Новикова со Свистуновым и Сичкаревым теряют силу и для их опровержения не требуются дополнительные аргументы. Однако для всестороннего рассмотрения вопроса имеет смысл их здесь также привести.

Стозмей был принципиальным идейным и политическим противником Новикова, грозившим ему репрессиями: «Стозмей, из всей мочи надседася, кричит, что Вы обижаете целой корпус дворянства и что Ваши ругательства скоро уймутся», — сообщалось в письме некоего Д. К., посланном сначала в «Трутень», но опубликованном в «Смеси» (Л. 20. С. 154). Неужели ради примирения с этим злобным хулителем и, как вырисовывается его облик, реакционером Новиков изменил бы единомышленнику, который все полгода решительно его поддерживал? Если же он все же рассердился на него до такой степени, что и через три года («Опыт» вышел в 1772 г.) выражал свое недовольство, то почему по свежим следам, когда размолвка была, казалось, в разгаре, он напечатал в «Трутне» (1770. № 11—12. С. 223—225) материалы, переданные ему издателем «Смеси»?

После критического анализа собранных П. Н. Берковым косвенных свидетельств в поддержку своей гипотезы о Сичкареве трудно согласиться с мнением об их убедительности. К тому же краеугольный ее камень — интерпретация глагола «свищет» в последней строке эпитафии — при проверке «на прочность» оказывается весьма шаткой и ненадежной опорой всего искусно воз-

двигнутого сооружения. Если следовать логике расшифровки этого сатирического четверостишия, то придется признать, что через 18 лет кто-то из противников Свистунова вспомнил эпиграмму и, взяв ее за образец, сочинил свою, очень близкую по содержанию:

ЭПИГРАММА. ЗНАНИЕ ОДНОГО БАРОНА

Я в заблуждении своем давно считал,
Что будто бы Барон сей ничего не знал.
Но наконец его открылося искусство:
Нашел я, что Барон свистит весьма не гнусно.²²

Можно было бы, весьма вероятно, найти подходящую кандидатуру второго автора и даже нарисовать живописную картину чего-то вроде отголосков литературной полемики 1769 г. в радикальной журналистике конца 1780 г. Трудно было бы, правда, сколь-либо удовлетворительно объяснить, почему Свистунов назван бароном, если в действительности он этого титула не имел. Тем не менее все приобрело бы, может быть, вполне убедительную видимость; но подлинная разгадка совпадения четверостиший, отделенных одно от другого почти двумя десятилетиями, совершенно иная. Оба они представляют самостоятельный перевод эпиграммы французского поэта Жана-Ожье де Гомбо (Gombauld, ок. 1570—1666), которую передают точно, особенно более позднее:

SCIENCE D'UN CERTAIN BARON

J'ai crû longtemps en conscience,
Que ce Baron ne savoit rien;
Mais j'en découvre la science,
Et je trouve qu'il siffle bien.²³

Пока, к сожалению, не установлен окончательно источник, по которому был выполнен перевод, напечатанный в «Смеси».²⁴ Однако и без этих данных становится очевидным, что отождествление Стозмея со Свистуновым на основании лишь глагола «свистеть» неправомерно, поскольку переводчик не ввел его от себя

²² Лекарство от скуки и забот. 1787. Ч. 2, № 44, 28 апр. С. 143.

²³ Gombauld J.-O. Les epigrammes. Paris, 1657. P. 24 (N 33).

²⁴ Эта популярная эпиграмма была напечатана анонимно в хрестоматии Шюффена (Amus. T. 2. P. 275). Однако, если первый том и был в распоряжении издателя «Смеси», из этого еще не следует, что именно из этой антологии была переведена эпиграмма. Например, экземпляр мог быть некомплектным и второй том, где она содержится, отсутствовать. Но и при наличии второго тома переводчик мог иметь ее текст в какой-нибудь другой книге, которой и пользовался. Установление конкретного источника эпиграммы имеет отнюдь не отвлеченный и не праздный интерес, но необходимо, в частности, для того, чтобы выяснить, является ли переводной или оригинальной другая эпиграмма против Стозмея, предшествующая в «Смеси» разбираемой.

для актуализации на русской почве иностранного произведения, а только передал добросовестно французский текст. Можно, разумеется, возразить, что эпиграмма была намеренно подобрана так, чтобы ее перевод прозвучал намеком на Свистунова; но при отсутствии в портрете Стозмея каких-либо конкретных отражений реального лица, в котором подозревается его прототип, этот аргумент, сам по себе применительно к данному случаю надуманный (нужно ведь, чтобы во французской поэзии существовала столь идеально подходившая к частным реалиям русской жизни 1769 г. эпиграмма и чтобы она к тому же попала в поле зрения издателя «Смеси»), не имеет веса.

Метила ли французская эпиграмма в реальное лицо или в тип, она была рассчитана на то, чтобы уязвить самолюбие дворянина и осмеять сословную спесь, обнажив никчемность человека, чьим единственным «достоинством» является благородное происхождение. Таков контекст, в котором выступает глагол «siffler» французского подлинника; в подобном же контексте оказывается и его русский эквивалент. Едкая сатира на дворянское чванство была введена в журнал уже во втором листе переводом стихотворения «Сон г. Патрикаса». Здесь она возникает безотносительно к какому-либо реальному лицу; но затем обретает конкретность в цитированной выше из письма Д. К. характеристике Стозмея как ревностного и фанатичного защитника интересов своего сословия. В этом преломлении она развивается далее двумя эпиграммами, заключающими номер, в котором напечатано письмо. В первой из них, открывающейся напоминанием о сословной принадлежности Стозмея, выставляются на осмеяние низкие свойства его души; во второй, давшей толчок опровергаемой гипотезе, — его общественная никчемность и бесполезность.

Именно этот смысл и передает глагол «свистеть», не подразумевая никакого иного.

Выяснение того, что эпиграмма была переводной, и сопоставление русского текста с подлинником прояснило истинное ее содержание и окончательно сняло толкование, из которого выросли хитроумные, любопытные, правдоподобные, но, как оказывается, чисто произвольные и неверные построения. Рассмотренный пример особенно поучителен потому, что именно при исследовании «Смеси» практически применяется сформулированный в 1950-е гг., получивший с тех пор повсеместное признание и принимаемый в настоящее время едва ли не за аксиому тезис о принципиальной допустимости и возможности игнорировать наличие в русской сатирической журналистике 1769—1774 гг. переводных материалов и рассматривать их как если бы они были полностью оригинальными сочинениями русских авторов.²⁵ Этот тезис, как известно, приобрел значение одной из основных методологических

²⁵ Рычкова Г. П. Некоторые жанры сатирической прозы в журнале «Смесь» // Проблемы изучения русской литературы XVIII века. Л., 1980. Вып. 4. С. 19—29.

концепций изучения литературного процесса XVIII в., в сильной степени расхолаживающей усилия по разысканию подлинников и источников переводных произведений.

Исходившее из толкования одного лишь слова во всех немало-численных статьях и стихотворениях, где речь шла о Стозмее, отождествление этого персонажа со Свистуновым оставило практически без внимания многие детали сатирической атаки, не получившие в результате никакого осмысления в контексте журнальной полемики 1769 г. Между тем они, как представляется, несут важную информацию, которая, не будучи достаточной, чтобы точно назвать лицо, подразумевающееся под этим литературным прозвищем, все же указывает направление поисков.

Во вторник 21 июля 1769 г. в русской журналистике произошли одновременно два знаменательных события. В этот день вышел 28-й лист чулковского «И то и сьо»,²⁶ в котором было напечатано письмо некоего Д. П., содержащее уничижительную оценку «Всякой всячины» и «Трутня». Этой же датой обозначен 13-й лист новиковского «Трутня» с первым упоминанием Стозмее в письме за подписью N. N., присланном якобы из Москвы. Рассказывая о судье, вырвавшем пытками у невинного подрядчика признание в краже у него золотых часов, похищенных на самом деле его собственным племянником, корреспондент употребил следующее сатирическое сравнение: «Не столько любитесь щеголиха новомодным и в долг сделанным платьем, в коем она в первый раз на гульбище под Девичий монастырь для пленения сердец поехала, не столько радуется господчик Стозмей, когда ему удастся сделать вред кому-нибудь из тех, коих он для глупой своей любовницы по пристрастию ненавидит, не столько восхищался Злорад при представлении гадко переведенной своей комедии, не столько веселится монах, когда случится ему светское что-нибудь сделать, как порадовался наш судья подрядчикову мнимому воровству» (Тр. 1769. № 13. С. 93). Краткая фраза, посвященная в этой тираде Стозмее, представляет собою зерно всех будущих намешков над этим персонажем. Здесь подчеркивается его благородное происхождение («господчик») и определяется его главная черта, по которой он и получает смысловое прозвище: злость, побуждающая его причинять людям вред, испытывая от этого радость и удовлетворение. «Говорящее» имя только в том случае выполняет свою художественную функцию, если метафора воспринимается без труда и с первого же употребления. Поскольку свист не ассоциируется со змеями, то предложенное П. И. Берковым

²⁶ Эту дату, никак ее не обосновывая, называет Б. В. Томашевский (см.: Иронико-комическая поэма / Ред. и примеч. Б. Томашевского; Вступ. ст. В. А. Десницкого. Л., 1933. С. 716). Она подтверждается рекламным объявлением в «Санктпетербургских ведомостях» (1769. 21 июля. № 58), где впервые сообщалось о выходе 28-го листа «И то и сьо», а также 17-го листа «Смеси», причем расчетная дата последнего (журнал выходил без задержек) приходится именно на этот день.

толкование («свистит как сто змей») ²⁷ не могло прийти на ум читателям этого номера «Трутня», в то время как образ человека злобного или жалящего, как сто змей, был здесь очерчен вполне отчетливо, хотя и контурно. Подобное восприятие подсказывалось и древней традицией отношения к змее как к врагу рода человеческого. ²⁸ И если о свисте Стозмея будет говориться только единожды, а более это его «дарование» никак не обыгрывается, то злоба настойчиво преподносится как его отличительный признак. Автор опубликованного в «Смеси» письма, подписанного криптонимом Д. К., заявлял, что нападками на «Трутеня» Стозмей показывает «злость своего сердца» (Смесь. Л. 20. С. 155); а в первой эпиграмме, напечатанной в том же номере, утверждалось, что он «и чести не хранит и злобствует на честных» (Смесь. Л. 20. С. 160). В 17-м листе «Трутня» (18 августа) Стозмей был представлен человеком, который «богат злостью сердца ко вреду ближних» (Тр. 1769. № 17. С. 108). Через полтора месяца (6 октября) Правдолюбов указывал в «Смеси» (Л. 28. С. 223), что «Стозмей всех злословит, старается всякому сделать зло», а на следующей неделе (13 октября) посвятил этой теме еще несколько строк в жанре «портрета»: «Стозмей, истребя все душевные добродетели, наполнился ужасною злобою. Он не знает человеколюбия и беспрестанно старается о пагубе ближнего. Не упускает ни малейшего случая, дабы сделать зло, и, сделав оное, сердечно радуется. Стозмей или будет повешен, или дойдет до великих почестей» (Смесь. Л. 29. С. 229).

Итак, не свист, а злость — отличительное свойство Стозмея. Но в журналистике 1769 г. фигурировал еще один злобный персонаж — Злорад. Ниже будет показано, что под этим именем были выведены разные реальные лица. На данном этапе рассуждений важно то, что среди них был Чулков и что один раз о Злораде говорится в сочетании со Стозмеем (Смесь. Л. 33. С. 261—262). Закономерно встает вопрос, случайно ли это соединение двух злобных людей, имеет ли оно целью только описать разновидности злости или же в нем отразилась какая-нибудь существовавшая между прототипами связь.

В этом плане приобретает интерес замечание из вымышленного письма некоей К. Б., якобы матери любовницы Стозмея. Отчаявшаяся вразумить свою дочь женщина обращается к издателю журнала с просьбой убедить Перекрасу, что «Стозмей, на которого она так много надеется, человек не очень много зна-

²⁷ Любопытно, что, приведя это объяснение в примечаниях к «Трутню» (Берк. 1951. С. 530), И. Н. Берков не повторил его в «Истории русской журналистики» (1952). Не значило ли это, что он от него отказался?

²⁸ Например, в диалоге Эразма Роттердамского «Дружество»: «Э ф о р и н. . . Ты знаешь, что змеиный род полон неприязни к человеку? И о а н н. Знаю, что между змеями и нами старинная и непримиримая вражда и что ей не будет конца, пока мы не забудем того злосчастного яблока». (Эразм Роттердамский. Разговоры запросто / Пер. с лат. С. Маркиша. М., 1969. С. 596).

чащий, что он теперь с великою прилежностью проматывается, что начал уже сочинять письма для одного бедного журналиста, а <...> ежели кто из господина идет в сочинители, то видно, что господство его занемогло опасною болезнию и что у него в кошельке антонов огонь» (Смесь. Л. 22. С. 175; курсив мой. — В. Р.). Когда вышел номер «Смеси» с этим письмом, в Петербурге кроме нее и «Трутня» издавались «Всякая всячина», «Адская почта», «И то и сьо». «Всякую всячину» было принято называть в полемике «бабкою» или «бабушкой»; «Адская почта» не печатала корреспонденций со стороны, а издатель «И то и сьо», представляя свое детище читателям, жаловался на бедность: «Сей лист или сие первое издание сочинял я три года с половиною и истратил для переписок на одну только бумагу все оставшееся мне после покойного отца моего имение, прибавил еще к тому годовое мне жалованье, однако и того не достало, так чтоб в последний раз переписать его набело, занял я листок у искреннего моего друга и сущего приятеля» (ИТ. № 1). За четыре недели до письма Д. П. издатель напомнил о своих стесненных обстоятельствах и с юмором поведал, как он чинил доставшийся ему в наследство кафтан, который его отец сшил годами пятьюдесятью ранее. Этот рассказ служит прелюдией к изложению неодобрительных суждений портного, трудившегося над кафтаном, о текущих периодических изданиях, которые, по его мнению, оказались хуже прежних «Ежемесячных сочинений» и «Трудолюбивой пчелы» (ИТ. № 24). В ответной статье «Смесь» (Л. 15. С. 114) заявила: «Мне жалок этот бедняк, ему должно скорее умереть, ибо по его системе и все будущее хуже будет нынешнего». Из контекста статьи явствует, что ее автор воспринял портного как вымышленное лицо, чьими устами высказал свое сredo сам издатель «И то и сьо»,²⁹ к которому, следовательно, и относится определение «бедняк», обыгрывающее придуманную им легенду.³⁰ Оно же и в том же значении употреблено в письме № 70 «Адской почты», в котором предположительно Эмин отвечал на нападки Чулкова:³¹ «Иные говорили, что Злоумова заставила так ругать некоторая женщина, мужа своего оставившая и теперь любовным промыслом забавляющаяся и которая сего бедняка крепко держит в своем покровительстве. Естли то правда, то каждый рассудить может, у такого и такую жизнь ведущего Мecenата какой может быть писец? Такие люди за 20 копеек весь свет выругать готовы. . .» (АП. X. 235). Примечательно, что покровительница Злоумова, как она здесь охарак-

²⁹ Так же понят портной и в письме, напечатанном в «Трутне» (1769. № 12. С. 90).

³⁰ В указанном выше письме, напечатанном в «Трутне», тоже содержался намек на бедность издателя «И то и сьо»: «Ваши журналы сделали то, что его листочков почти никто не покупает, а ему на новый разжив деньги надобны» (Тр. 1769. № 12. С. 90).

³¹ Словарь русских писателей XVIII века: Принципы составления; Образцы статей; Словник / Сост. В. П. Степанов. Л., 1975. С. 24.

теризована, очень напоминает — в этом будет возможность убедиться далее — Перекрасу, любовницу Стозмей.

Итак, бедный журналист, для которого, по словам «Смеси», начал сочинять письма Стозмей, — это, вполне вероятно. Чулков, а Стозмей, следовательно, не кто иной как Д. П. Если этот вывод верен, то справедлив он в отношении Стозмея, о котором идет речь в письме К. Б.; однако для того, чтобы распространить это отождествление на другие упоминания Стозмея в «Трутне» и в «Смеси», необходимы дополнительные аргументы. Дело в том, что в сатирической журналистике 1769 г. неоднократно случаи, когда под одним смысловым именем печатались в разных журналах или даже в разных номерах одного журнала портретные очерки-характеристики, не имевшие между собою убедительной внутренней связи, которая дала бы основание видеть в них изображение разных сторон одного лица; имя выступало как обозначение определенного типа, характеристика описывала вид.³² Иногда одно и то же имя в контексте различных намеков подразумевало разных лиц, как, например, Злорад—Чулков в эпиграмме «Смеси» от 30 июня³³ и Злорад—Лукин в цитированном ранее фрагменте из 13-го листа «Трутня».³⁴ Поэтому относящимися к одному и тому же лицу можно признать с достаточной степенью уверенности лишь те характеристики, через которые проходят какие-нибудь общие детали, индивидуализирующие образ. Так, характеристика Злорада в последнем листе «Трутня» за 1769 г. (№ 36. С. 176) начинается с упоминания о том, что этот читатель журнала всегда ругает издателя за то, что тот «будто <...> однажды списал его портрет и напечатал». Но со Злорадом — Чулковым или Лукиным она не соотносима, ибо те изображены как писатели, а здесь говорится о человеке, который «груб, жесток, горд пред своими

³² Таковы три характеристики Надмена: Смесь. [20 окт.]. Л. 30. С. 237—238; Тр. 1769. 3 ноября. № 28. С. 147—148; Смесь. [29 дек.]. Л. 40. С. 318. Не имеют внутренней связи два портрета под именем Восьсед в «Смеси» (Л. 26. С. 201—203; Л. 40. С. 313), они даже заимствованы из разных французских источников. Также из разных источников взяты две характеристики под именем Пышен (Смесь. Л. 29. С. 230; Л. 33. С. 260—261). История Себе-люба в 16-м листе «Трутня» была замаскированным рассказом об отставке Г. Г. Орлова (Берк. 1951. С. 536, примеч. 118); но никакого намека на бывшего фаворита не нес Себялюб, описанный в «Смеси» (Л. 33. С. 257—258).

³³ «Злорад творцов живых поносит, / А мертвых до небес возносит: / Но, чтоб ту честь иметь, / Никто не хочет умереть» (Смесь. Л. 14. С. 111). Неделий раньше (23 июня) вышел 24-й лист «И то и сьо» с критическими замечаниями «портного». Злорад фигурирует в «Смеси» еще дважды. Один из этих портретов, о котором уже говорилось, может быть с известной степенью уверенности отнесен также к Чулкову, поскольку в этом случае о Злораде идет речь в сочетании со Стозмеем (Смесь. Л. 33. С. 261—262). Правда, здесь упоминается, что Злорад «ныне женился на своей любовнице <...> низкого состояния», а брак Чулкова с А. Г. Баталиной состоялся в 1765 г. Другой портрет (Смесь. Л. 30. С. 237—238) не содержит деталей, в которых можно было бы видеть какой-нибудь реальный намек; но он находится в соседстве с портретом Перекрасы, любовницы Стозмея, а потому нельзя исключать вероятность, что и в этом случае имелся в виду Чулков.

³⁴ Распифровку намека см.: Берк. 1951. С. 530—531, примеч. 85.

подчиненными и низок до подлости пред начальниками своими», а также в своей злобе «называет скотами помещиков, кои слуг своих и крестьян не считают скотами, но поступают с ними со всяким милосердием и кротостию». Последняя черта, избличающая в нем фанатичного крепостника, позволяет считать эту зарисовку продолжением портрета Злорада из 27-го листа, где под этим именем изображен жестокий хозяин, который «подчиненных ему слуг и за самонаименьшие слабости и оплошности наказывает зверски», «одевает, обувает и кормит <...> весьма худо, утверждая, что когда сии безумия его несчастные невольники чувствуют голод и холод, тогда ежеминутно памяуют они свое рабство и, по его мнению, следовательно, тем побуждаются ко исполнению своих должностей» (Тр. 1769. № 27. С. 144).³⁵

Злость Стозмея, акцентированная во всех зарисовках и подразумеваемая именем, выступает родовым признаком, по которому невозможно ни дифференцировать, ни интегрировать портреты относительно возможных намеков на реальные лица. Индивидуализирует и объединяет ряд характеристик (но не все!) мотивировка отношения Стозмея к людям, заключающаяся, как сообщалось в «Трутне» при самом первом упоминании этого персонажа, во влиянии какой-то женщины, «глупой» его любовницы. Этот намек получает развитие в подробном известии о времяпровождении Стозмея, помещенном 11 августа под рубрикой ведомостей «из Большой Садовой улицы». Здесь было названо имя любовницы — Перекраса и говорилось, что они «упражняются оба в разных изобретениях, касающихся до повреждения доброй славы тех людей, коих они ненавидят»; тут же получала объяснение причина ненависти Стозмея к Добросердову, состоявшая в том, что последний был «умнее его любовницы» (Тр. 1769. № 16. С. 104). «Смесь» подхватила эту линию не сразу. Первоначально, в письме Д. К., Стозмей представлен, как отмечено выше, принципиальным идейным и политическим противником Новикова, его злость имеет ярко выраженную сословную окраску; о любовнице же не говорится ни слова (Смесь. Л. 20). В дальнейшем первая, самая острая в обличительном плане тема полностью исчезает, и вместо Стозмея, призывающего, исходя из интересов своего сословия, к репрессиям против «Трутня», появляется Стозмей, распространяющий порочащие слухи и клевету по злобе сердца и по наущению любовницы или ей в угоду. В письме к издателю «Смеси» К. Б. жаловалась, что ее дочь «титоварного своего мужа (т. е. сожителя. — В. Р.) приводит к тому, чтоб обижал всех, кого может, а кого не может обидеть, то бы злословил» (Смесь. Л. 22. С. 174). Правдолюбив сообщал, что Стозмей «любит одну только Перекрасу, которая такая исправная и искусная любовница, что, стараясь оказать Стозмею свою горячность, подражает ему в злословии» (Смесь. Л. 28. С. 223). В номере

³⁵ Отметим, что этот Злорад является двойником Змеяна (Тр. 1769. № 6. С. 61).

от 10 ноября говорилось, что Стозмей «старается уверять любовницу в своей горячности не страстными словами, но злословием браня всех честных людей»: «Он любит одних только бездельников и поносит тех, которых и не знает. Но что ему до того нужды: когда кто скажет, что *сей человек честен*, то сего уже довольно и Стозмей тотчас станет его ругать и всячески стараться сделать ему зло» (Смесь. Л. 33. С. 261). Эта характеристика Стозмея, последняя в обоих журналах, повторяет в развернутом виде две строки эпитагмы, сопровождавшей в «Смеси» (Л. 20. С. 160) письмо Д. К.:

Имеет он друзей бездельников известных,
И чести не хранит, и злобствует на честных.

Не может быть сомнения, что в эпитагме и письме шла речь об одном и том же Стозмее; точно так же совершенно ясно, что персонаж эпитагмы тождествен персонажу последнего портрета. Тем самым доказано, что, несмотря на все отличия трактовки, во всех случаях имелось в виду одно лицо, а именно, как было показано в отношении письма в «Смеси» от матери Перекрасы, некто, выступивший под криптонимом Д. П. в «И то и сьо» с резкою критикою «Всякой всячины» и «Трутня».³⁶

Выявление объекта сатирической атаки, предпринятой Новиковым и поддержанной издателем «Смеси», обнажает ее тактический замысел, состоявший в том, чтобы показать Д. П. именно таким человеком, каким он изобразил Трутня в противоположении самому себе. Если в новиковских листках он «кроме язвительной брани и ругательства <...> не нашел ничего доброго»; если Трутня он назвал «неприятелем всего рода человеческого», чьи «ведомости сплетены были из ругательства и поношения близким», а сам представился читателям «всегдашним другом общества», который не способен «услажаться других поношением» (ИТ. № 28), — то в ответ оба журнала рисуют его злобным и ядовитым сплетником и клеветником. Коль скоро, обыгрывая собственные признания Трутня в лени (Тр. 1769. № 1. С. 45—47), Д. П. заявил, что издатель ненавистных ему листков, предавшись ей, впал в те самые пороки, которые в них осмеивает, то этот выпад парируется детальным рассказом о праздном образе жизни Стозмея (Тр. № 16. С. 103—104), а также обличением его в потакании бездельникам и тесной с ними дружбе.

³⁶ Три зарисовки, цитированные выше: Тр. 1769. № 17. С. 108; № 23. С. 131; Смесь. Л. 29. С. 229, — не содержат никаких деталей (кроме типовой — злобы), соотносимых с разобранными; но в общем контексте журнала можно считать их относящимися к тому же Стозмею, так как само это имя при каждом упоминании подразумевало, конечно, для читателя ассоциацию с данным персонажем. Во всяком случае, по содержанию они настолько общие, что не имеют значения для идеологической или биографической интерпретации образа. То же следует заключить и о двух характеристиках Перекрасы, где о ней идет речь вне связи со Стозмеем: Тр. 1769. № 35. С. 173; Смесь. Л. 30. С. 237.

Тактика возврата брошенных по адресу Трутня обвинений ставит вопрос о том, в какой мере были справедливы, а насколько гиперболизированы личные свойства Стозмея, т. е. какой объем подлинной биографической информации несут фрагменты, в которых развиваются темы его злобы и бесполезного в общественном смысле времяпровождения в окружении бездельников. Нельзя, по-видимому, также принимать как вполне достоверное все сказанное в «Трутне» и «Смеси» о Перекрысе. Насмешки над нею были столь грубы,³⁷ что подобный их характер давал бы веские основания сомневаться в том, что они были направлены на живое лицо, если бы не полная уверенность в существовании реального Стозмея, которого под этим прозвищем легко распознавали современники.³⁸ Во всяком случае за всеми выступлениями «Трутня» и «Смеси» против любовника Перекрысы и ее самое кроме идеологических, принципиальных разногласий чувствуется и какая-то бытовая ссора, втянувшая в себя разных людей и, по всей вероятности, до крайности обострившая между ними отношения. Возможно, как будет видно из дальнейшего изложения, ее корни уходили в какие-то закулисные театральные интриги.

С учетом всех этих обстоятельств можно извлечь из очерков и писем о Стозмее биографические сведения о его прототипе. Это был дворянин,³⁹ причем, кажется, из мелких, небогатый или обнищавший.⁴⁰ Непонятно, занимал ли он какую-либо должность,

³⁷ «Стозмей имеет полдуши и полсердца, а другие половины отдал он своей любезной, а та со сна, забывшись, вместо его, Стозмеево сердце и душу отдала другому своему любовнику» (Тр. 1769. № 16. С. 104). По словам вымышленной матери Перекрысы, ее дочь уже 10 лет живет любовным ремеслом и ранее всем угождала, но «посватался на ней один придворной господчик, свадьба их в скором времени без всяких совершилась, и с тех-то пор она людей начала браковать»; она не слушает советов, что «лучше брать оброк со многих, нежели одного», а, взяв с одного офицера 50 руб., не оказала ему положенных услуг (Смесь. Л. 22. С. 173—174). «Уверяя <Стозмея>, что, кроме его, никого не любит, имеет другого любовника, который всякое утро ее тайно посещает. Она больна в глазах Стозмея, и бедный Стозмей крушится; а для другого здорова и с ним весело проводит время» (Смесь. Л. 28. С. 223—224, письмо Правдолюбова).

³⁸ Если под Стозмеем подразумевался Д. П., то реального прототипа не могло не быть, даже если Д. П. был вымышленным персонажем. В противном случае автором письма был бы сам Чулков. Между тем издатель «Смеси» четко отличает Стозмея от Чулкова, который у него, как уже отмечалось, имел прозвище Злорад. В 33-м листе помещены рядом, одна за другой, характеристики Стозмея и Злорада, причем вторая начинается следующим заявлением: «Не должен я позабыть и бедного Злорада; его нрав очень сходен с Стозмеевым, да и не может быть иначе: Стозмей подлинник, а Злорад с него копия» (Смесь. Л. 33. С. 261—262). Примечательно, что эти две характеристики присоединены к серии переведенных с французского языка из журнала «Мизантроп» портретов, что, будучи приемом актуализации заимствованного материала, также указывает на существование реальных лиц, осмеиваемых под этими персонажами.

³⁹ «Стозмей все считает благородным, / И я его зову дворянчиком прирдным» (Смесь. Л. 20. С. 160).

⁴⁰ «Смесь» называет его пренебрежительно «дворянчиком», а «Трутенъ» — «господчиком» (ср. противопоставление слов «господин» и «господчик» —

но вряд ли у него было сколь-нибудь значительное положение. В «Трутне», с одной стороны, упоминается его утренний прием, когда он «допускает к себе искателей его милости, которая всегда состоит в обещаниях», и расспрашивает каждого о последних сплетнях; с другой — весь описанный там же распорядок его дня не оставляет ни минуты для службы, и о ней не сказано ни слова даже мимоходом (Тр. 1769. № 16. С. 104). «Смесь» подчеркивает, что Стозмей — «человек, не очень много значащий» (Л. 22. С. 175), «не важный господин» (Л. 28. С. 224); она тоже не называет ни его должности, ни места службы. «Мать» Перекрасы рассказывает, как в восторге от остроумного замечания своей любовницы Стозмей «ударил в ладони так, как делает на театре» (Смесь. Л. 22. С. 174—175), из чего можно понять, что Стозмей имел отношение к сцене. Актером он явно не был (какие, например, могли быть у актера «искатели милости»?!); не занимал он в театре никакой руководящей должности, ибо «Трутень» (1769. № 16. С. 104) пишет, что он «рассуждает о театральных действиях, удивляется худым распоряжениям и рассказывает, как бы он сделал, ежели бы те дела от него зависели». Нет ни единого намека на то, чтобы он был театральным автором или переводчиком. Все его отношение к литературе ограничивается, согласно ведомостям «из Большой Садовой улицы», тем, что он «читает местами русских авторов, прославившихся своими сочинениями, и чтобы и тут показать остроту своего разума, ради того <...> их критикует, не думая того, что хула его истинной славы сих авторов повредить не может». Таким образом, Стозмей, по всей видимости, был просто близким к театральным кругам человеком. Не исключена вероятность, что связывала его с этим миром, как одно из звеньев, Перекраса, бывшая, возможно, актрисой.⁴¹

Уместно в связи с этим вспомнить, что сам издатель «Смеси» был, вероятно, также театрал и в противоположность Стозмею держался положительного взгляда на сценическое мастерство русских актеров и осуществляемые постановки. Это видно из того, что уже в 3-м листе он вставил в переводной «Разговор Леандра с Мизантропом» отзыв о И. А. Дмитриевском, назвав его «достойным современником Гаррику и Лекену» (Смесь. Л. 3. С. 23—24). Через месяц была напечатана похвальная рецензия на постановку молюеровского «Мизантропа» с Дмитриевским в главной роли;

Тр. 1769. № 8. С. 70). Ранее цитировалось мнение «матери» Перекрасы о состоянии кошелька Стозмея. «Трутень» писал о том, что Стозмей по утрам «отказывает своим заимодавцам, занимает вновь» (Тр. 1769. № 16. С. 103—104).

⁴¹ В письме ее «матери» говорится, что она «заводит между своими товарищами разные ссоры за то, что они не переимчивы и ее художеству выучиться не могут». К слову «товарищами» сделано примечание: «Разумеется, в должности, а не в любовном ремесле» (Смесь. Л. 22. С. 174). Какая могла быть должность у женщины того круга, где вращался Стозмей? Очевидно, фрейлина или актриса, но первая была бы слишком, наверное, высока для подобных грубых нападок.

здесь было повторено то же сравнение с английским и французским актерами (Смесь. Л. 7. С. 55—56).⁴² Еще через две недели появился отзыв о двух комедиях, показанных зимою: «Разумный вертопрах» и «Тесть и зять»; отвергая, как негодные, переводы В. И. Лукина, «Смесь» (Л. 9. С. 69—71) отметила хорошую игру артистов, спасшую спектакли.⁴³

Все эти сведения весьма расплывчаты и к тому же имеют небольшую степень достоверности, поскольку извлечены из журнальных публикаций, в которых реальные факты подверглись, без сомнения, художественной обработке и, следовательно, неизбежному при ней искажению. Имея прототипов и заключая сатирические на них намеки, хорошо понятные в свое время определенному кругу людей, образы Стозмея и Перекрысы представляли в журналах типизированными: действительное в них было, конечно, смешано с вымыслом, какие-то черты гиперболизированы, другие опущены, иные добавлены и т. п. Поэтому, можно полагать, расходятся, а иногда противоречат в деталях статьи, посвященные этим персонажам. Информация, касающаяся издателя «Смеси», собирается лишь отрицательная, т. е. разрушающая гипотезу о Сичкареве, но не формирующая какой-либо новой. Возможности поисков, в крайне малой, впрочем, степени обнадеживающие, представляет, пожалуй, один лишь фрагмент, на который до сих пор не обращалось внимания: «Вот каких я мыслей о прекрасном поле, — заявлял издатель, воздав в ответе своему корреспонденту Ясновидову похвалу женщинам. — Читатели! вы теперь видите, мог ли я когда поносить честь сего пола, который обожаю. Однако мне несправедливо присвоят негде напечатанные ругательства на женщину, сияющую разумом, красотой и всеми превосходными качествами, отличающими ее от всех женщин, блестящих единою только красотой» (Смесь. Л. 29. С. 228). Если это указание не фиктивное, то имеется вероятность установить когда-нибудь, какое произведение здесь имеется в виду; но нужно быть готовым и к тому, что след приведет к лицу, которое не было связано со «Смесью».

Если не Сичкарев — то кто же? В. В. Пухов, сформулировавший ряд веских возражений против гипотезы П. Н. Беркова (они были приведены ранее), вернулся к первоначальной, давно отвергнутой и, казалось, забытой атрибуции «Смеси» Новикову, но с той модификацией, что предполагается также сотрудничество Эмина в качестве его соиздателя и помощника.⁴⁴ Каких-либо

⁴² Этот лист вышел 12 мая, а спектакль состоялся, по сведениям «Репертуарной сводки» Т. М. Ельницкой, «до апреля» (см.: История русского драматического театра. М., 1977. Т. 1. С. 452).

⁴³ Не имеется никаких свидетельств о том, что Сичкарев проявлял интерес к театру, тем более столь живой, как можно подозревать у издателя «Смеси».

⁴⁴ По сути В. В. Пухов оживляет с новой расстановкой акцентов точку зрения Л. Б. Лехтблау, который, по-своему интерпретируя выводы В. П. Семенникова, признал «установленным, что в издании „Смеси“ руководящую

новых аргументов в пользу этой атрибуции не найдено: все главные рассуждения имеют основой близость позиции «Смеси» и «Трутня» по важнейшим вопросам идейной борьбы 1769 г., что не имеет решающей доказательной силы. Кроме того, использован следующий довод, требующий анализа. Напомнив, что в «Трутне» (1770. № 11—12. С. 223—225) были напечатаны письмо к издателю «Смеси» и его ответ, В. В. Пухов заключает: «письма пишут издателю „Смеси“, а они оказываются у Н. И. Новикова, т. е. издатель „Смеси“ и Новиков — одно и то же лицо» (Пух. С. 162). В связи с этим следует, однако, вспомнить письмо Д. К. о Стозмее, посланное в «Трутень», а напечатанное в «Смеси». Этот факт, полностью аналогичный указанному, ни в малейшей степени не подтверждает сделанного из того вывода, но, напротив, категорически его опровергает, выявляя скрытую непродолжительную полемику между «Смесью» и «Трутнем» относительно тактики нападения на Стозмея и тем самым показывая, что во главе этих журналов стояли разные лица.

Действительно, письмо Д. К., предлагавшее резкий социальный поворот темы, было напечатано в один день (11 августа) с ведомостями «из Большой Садовой улицы», где Новиков представил Стозмея как бытовой тип. Поскольку содержание письма было Новикову известно в любом случае до публикации, его трактовка была полемическим заявлением о намерении обойти острый угол, к которому вел Д. К. и «Смесь». Невозможно, чтобы в один день Новиков опубликовал две столь разные статьи; но если бы даже он это и сделал, то непонятно, зачем ему было предавать гласности письмо Д. К., если затем «Смесь» сразу приняла линию, намеченную в известиях «из Большой Садовой улицы». Эти недоумения рассеиваются, если поверить объяснению Д. К., что он сам забрал у Новикова свое письмо, лежавшее у того без движения. Очевидно, послав или передав лично это письмо вскоре по выходе 28-го листа чулковского журнала (21 июля), автор ожидал быстрой публикации. Он мог, конечно, обеспокоиться и проявить нетерпение, не найдя его напечатанным уже в самом ближайшем номере; но психологически более вероятно, что изъясил его по прошествии двух недель. Таким образом, пропустил он 28 июля и 4 августа или же только последнюю дату. Чтобы принять решение забрать письмо, он должен был, очевидно, получить или отказ Новикова, или неопределенные обещания. Скорее всего, последовал отказ, а время было затрачено Новиковым на колебания, если таковые были, и на сочинение своей статьи, которая не могла в этих условиях не быть полемичной по отношению к письму Д. К.

Итак, возвращаться к первоначальной атрибуции нет никаких оснований.

роль играли Ф. Эмин и Н. И. Новиков» (см.: Русские сатирические журналы XVIII века: Избранные статьи и заметки / Сост. Л. Б. Лехтблау; Под ред. Н. К. Гудзия. М., 1940. С. 12).

Станет когда-нибудь известно, кто был издателем «Смеси», или решение загадки потеряно навеки (именно так обстоит, кажется, дело), но все, что удалось выяснить, говорит о том, что рядом с Новиковым и Эминым трудился в 1769 г. на ниве российской журналистики еще один интересный и смелый писатель, противник крепостнических порядков, вынужденный по какой-то причине наглухо скрыть свое имя.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПЕРЕВОДЫ ИЗ ПОСОБИЙ Д.-Э. ШОФФЕНА

1. Детская физика. М., 1763: *Physique des enfans*. Tirée du IV. Tome de la Manière d'enseigner et d'étudier les Belles-lettres, par Mr. Rollin // Gram. P. 335—348. Указанная книга Шарля Роллена вышла первым изданием в 1726 г.; глава «*Physique des enfans*» входит в раздел «*De la philosophie*».

2. Зрелище природы о существе божием, взятое из сочинения г. Фенелона. М., 1766: *Du Spectacle de la Nature, tiré de l'Existence de Dieu*, par Mr. de Fenelon // Gram. P. 288—315.

3. Перевод из мнений графа Оксенштерна. О смехе // Поденщина. 1769. 28 марта. С. 104—106: Главка «*Du ris*» раздела «*Pensées ingénieuses et morales du Comte Oxenstiern*» // Gram. P. 140. Источник устанавливается предположительно по сочетанию и непосредственному соседству с переводом двух басен Ф. Фенелона, также имеющих в «Грамматике» Шöffена (см. № 4).

4. Перевод басен. [1.] Две лисицы. [2.] Волк и барашек // Поденщина. 1769. 29 марта. С. 107—110: *Fénelon F. Les deux renards. — Le loup et le jeune mouton* // Gram. P. 110—111.

5. Праздные люди // Смесь. 1769. Л. 2. С. 13—15: *Portraits et Caractères*. Tirés du Livre de M. de La Bruyère // Gram. P. 183—184. Позднее издатель «Смеси» писал: «Мне попалась в руки французская книжка, в которой я нашел *Portraits et Caractères*» (Л. 30. С. 236). Переведено не полностью, но со вставками. Указание в оригинале (повторенное и в «Смеси») на принадлежность этого фрагмента Лабрюйеру ошибочно.

6. Сон г. Патрика // Смесь. 1769. Л. 2, С. 16: *Le Songe de M. Patrix* // Gram. P. 261. Источник указывается предположительно по сочетанию и непосредственному соседству с переводом фрагмента «Праздные люди» (см. № 5). Нельзя игнорировать возможность того, что издатель «Смеси», переведивший много французских стихотворений и располагавший, очевидно, какими-то поэтическими сборниками, мог работать по одному из них и при переводе этого широко известного, хрестоматийного произведения Пьера Патри (1583—1671). Это стихотворение под заглавием, данным Шöffеном («*Tous les Renards se retrouvent chez le Pelletier*»), включено и в *Amus*. Т. 1. Р. 405—406. Иное заглавие русского перевода, а также большой интервал в «Смеси» между этим стихотворением и переводами из *Amus*. (см. № 7—9) указывают на то, что *Amus*. вряд ли могло быть в данном случае источником.

7. [Фенелон Ф.]. Разговор Демокрита с Гераклитом // Смесь. 1769. Л. 34. С. 265—269: *Dialogue. Comparaison de Démocrite et d'Héraclite, où on donne l'avantage au dernier, comme plus humain* // *Amus*. Т. 1. Р. 348—351. Перевод с небольшими вставками; в оглавлении второго издания «Смеси» автором ошибочно назван Ж.-А.-С. Формей.

8. [Фенелон Ф.]. Разговор философа пиронической секты с его соседом // Смесь. 1769. Л. 35. С. 273—277: *Dialogue. Pirrhon et le Voisin. Fausseté et absurdité du Pirrhonisme* // *Amus*. Т. 1. Р. 432—435. Перевод с небольшими сокращениями; в оглавлении второго издания «Смеси» автором ошибочно назван Ж.-А.-С. Формей. Оба «разговора» были напечатаны (с указанием автора) и в *Gram*. Р. 152—153, 160—162. Тексты *Amus*. и *Gram*. имеют некоторые мелкие отличия, но в переводе они не отразились. Поэтому единствен-

ным, хотя и не вполне надежным опознавательным признаком для установления источника «разговоров» остается их сочетание и непосредственное соседство с «Баснью» (см. № 9), причем расположение этих трех произведений в «Смеси» воспроизводит их последовательность в Amus.

9. Баснь // Смесь. 1769. Л. 35. С. 278—279: *Le Droit ne se trouve pas toujours à la Justice. Fable de la Femme et du Chat* // Amus. Т. 1. Р. 476—477.

10. Правила учтивости. СПб., 1779: *Règles de la bienséance* // Gram. Р. 20—32. Главы 1, 3, 4, 8 (в сокращении и с изменениями) из кн.: *Règles de la bienséance, ou la civilité qui se pratique parmi les honnêtes gens. Avec la manière de faire des complimens*. Strassbourg, 1754.

11. Краткое описание семи бывших чуд в свете / Изд. г. де Ф. СПб., 1782. Перевод совпадает со статьей: *De ce qu'on appelle Les Sept Merveilles du Monde* // Amus. Т. 1. Р. 21—31. Однако указание «издание г. де Ф.» позволяет лишь предположительно считать источником хрестоматию Шоффена.

12. Краткое описание славных женщин Ветхого завета. СПб., 1782: *Abrégé de la vie de plusieurs dames, qui se sont rendu célèbres par leur vertu, par leur courage, par leur savoir, ou par toutes ces choses ensemble*. 1. Dames illustres de l'Ancien Testament // Gram. Р. 405—413. См.: СК. Т. 6. С. 111, уточн. к № 3266.

13. Каков должен быть человек с достоинствами? // Вечерняя заря. 1782. Ч. 1, февр. С. 121—124: *Portrait d'un Homme de mérite, par Monsr. de Callières* // Gram. Р. 32—35. Восемнадцатая глава из кн.: *Callières, François de. De la science du monde, et des connoissances utiles à la conduite de la vie*. Paris, 1717. Перевод перепечатан в кн.: *Богомолов Ф. Нравственный пластырь*. . . М., 1792. Ч. 1. С. 11—15; отсюда перепечатан в журнале: *Прохладные часы*. 1793. Ч. 2, дек. С. 433—436.

14. Описание нравов и употреблений древних народов. М., 1783. Следующие статьи переведены полностью либо частично или содержат изложение материала из Amus.: О поведении персиян: *Excellente éducation des anciens perses* (Т. 2. Р. 342—344); О правосудном правлении древних египтян: *La manière d'administrer la justice chez les anciens Egyptiens* (Т. 2. Р. 11—14); О их мумиях: *Des Momies ou Mumies* (Т. 1. Р. 96—97); Обряд делать публичные похороны тем, кои на войне лишились жизни у римлян: *Manière de faire les funérailles publiques, de ceux qui avoient perdu la vie à la guerre, chez les Athéniens* (Т. 2. Р. 16—17); О торжестве у римлян: *Du triomphe chez les Romains* (Т. 1. Р. 244—246); О преторах римских: *Des prêteurs chez les Romains* (Т. 2. Р. 319—320); О квесторствах: *Des questeurs* (Т. 2. Р. 326); О полициймейстерах: *Des censeurs* (Т. 2. Р. 329—330); О пище римлян: *Sur les repas des Romains* (Т. 2. Р. 366—370; свободный пересказ нескольких строк оригинала); О законах двенадцати табелей у римлян: *Des loix des douze tables, chez les Romains* (Т. 1. Р. 209—210); Разделение законов двенадцати табелей: *Division du peuple Romain en trois corps principaux* (Т. 1. Р. 213); О Сенате и его власти: *Du Sénat Romain et de son pouvoir* (Т. 2. Р. 230—232); О награждениях воинов римских: *Des récompenses militaires accordées aux Romains* (Т. 1. Р. 256); О знаках, даваемых начальникам римским: *Des couronnes accordées au mérite guerrier chez les Romains* (Т. 1. Р. 256—258); О оракулах: *Des oracles des païens* (Т. 1. Р. 79—80).

15. О весталлах, сивиллах и волшебницах // Растущий виноград. 1787. Март. С. 83—95: *Des vestales; Sur les fées; Des sibylles* // Gram. Р. 88—92. Последовательность в русском переводе совпадает с последовательностью тех же статей в Amus. (Т. 1. Р. 152—157, 163—165, 356—357), где, однако, текст второй и третьей статей имеет большие отличия. Статья ошибочно приписывалась В. С. Березайскому как его оригинальное сочинение (см.: *Молдавский Д. М. Василий Березайский и его «Анекдоты древних пошехонцев»* // Русская сатирическая сказка в записях середины XIX—начала XX века / Подг. текста, ст. и коммент. Д. М. Молдавского. М.; Л., 1955. С. 237—238).

16. Пример честности главного визиря // Полезное упреждение юношества. . . М., 1789. С. 297—302: *Exemple de probité singulière d'un Grand Visir. Tiré de Remarques de Mr. le Comte Poniatowsky sur l'Histoire de Charles XII* // Gram. Р. 86—88. Поскольку в сборнике Вольного Благородного пансиона при Московском университете не выявлено других переводов из

пособий Д.-Э. Шоффена и нет сведений о том, пользовались ли этими книгами на занятиях французским языком, источник можно считать установленным лишь предположительно.

17. Повесть достопамятная капитана Франца де Цивилла, писанная им самим // Новые ежемесячные сочинения. 1793. Ч. 82, апрель. С. 65—75: *Histoire mémorable du Capitaine François de Cívile, écrite par lui-même* // *Amus. T. 2. P. 157—164*. Источник Д.-Э. Шоффена: *Extrait de l'Histoire mémorable du Capitaine François de Cívile. Ecrite par lui-même.* // [Misson F. M]. *Nouveau voyage d'Italie, avec un mémoire contenant des avis utiles à ceux qui voudront faire le mesme voyage.* 5-е éd. Utrecht, 1722. Т. 3. Р. 361—368.

18. Повесть о некоем лунатике // Новые ежемесячные сочинения. 1793. Ч. 82, апр. С. 75—80: *Histoire d'un somnabule* // *Amus. T. 2. P. 89—92*.

19. Позорище природы, произведенное из сущности божией: Из сочинений г. Фенелона. Тамбов, 1793: *Du Spectacle de la Nature, tiré de l'Existence de Dieu, par Mr. de Fenelon* // *Gram. P. 288—315*.

20. Честь и добродетель неразлучны. (*Amusemens philosophiques* [1]) // Приятное и полезное препровождение времени. 1796. Ч. 12, № 98. С. 301—302: *L'Honneur et la vertu inséparables* // *Amus. T. 1. P. 458—459*.

21. Превосходное воспитание у древних персов. Оттуда же // Приятное и полезное препровождение времени. 1796. Ч. 12, № 98. С. 302—304: *Excellente éducation des anciens perses* // *Amus. T. 2. P. 342—344*.

22. Путь к истинной славе // Приятное и полезное препровождение времени. 1796. Ч. 12, № 98. С. 304: *Le chemin à la véritable gloire* // *Amus. T. 1. P. 367*.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АП — Адская почта, или Переписки хромоногого беса с кривым. 1769. Июль—декабрь. Указываются месяц (римская цифра) и страницы.
- Берк. 1945 — Берков П. Н. О несостоявшемся сатирическом журнале «Демокрит» (1771) // Науч. бюл. Ленингр. ун-та. 1945. № 3. С. 38—40.
- Берк. 1950 — Берков П. Н. Сатирическая журналистика 1769—1774 гг. // Очерки по истории русской журналистики и критики. Л., 1950. Т. 1. С. 45—81.
- Берк. 1951 — Сатирические журналы Н. И. Новикова; Комментарии // Сатирические журналы Н. И. Новикова: Трутень, 1769—1770; Пустомеля, 1770; Живописец, 1772—1773; Кошелек, 1774 / Ред., вступ. ст. и коммент. П. Н. Беркова. М.; Л., 1951. С. 7—42, 522—591.
- Берк. 1952 — Берков П. Н. История русской журналистики XVIII века. М.; Л., 1952.
- Благ. — Благой Д. Д. История русской литературы XVIII века. 2-е изд., перераб. М., 1951.
- ВсВ — Всякая всячина. 1769. № 1—52. Указываются номер и страницы.
- Гук. — Гуковский Г. А. Русская литература XVIII века. М., 1939.
- ИТ — И то и сьо. 1769. Нед. 1—52. Указывается номер (неделя).
- Пух. — Пухов В. В. Кто же издавал журнал «Смесь»? // Русская литература. 1981. № 2. С. 159—162.
- Сем. — Семенников В. П. Русские сатирические журналы 1769—1774 гг.: Разыскания об издателях и их сотрудниках. СПб., 1914.
- СК — Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века: 1725—1800. М., 1962—1975. Т. 1—[6]. Указываются номер библиографической записи или том и страница.
- Смесь — Смесь, новое еженедельное издание. 1769. Лист 1—40. Указываются номер (лист) и страницы.
- Соли. — Солнцев В. Ф. «Смесь», сатирический журнал 1769 года. СПб., 1894.

- Тонк. — *Тонкова Р. М.* Из материалов Архива Академии наук по литературе и журналистике XVIII в. II. К истории журнала «Демокрит» // XVIII век. М.; Л., 1935. [Вып. 1]. С. 393—397.
- Тр. — Трутень, еженедельное издание на 1769—1770 год. 1769. Л. 1—36; 1770. Л. 1—17 // Сатирические журналы Н. И. Новикова: Трутень, 1769—1770; Пустомеля, 1770; Живописец, 1772—1773; Кошелек, 1774 / Ред., вступ. ст. и коммент. П. Н. Беркова. М.; Л., 1951. Указываются год, номер (лист), страницы.
- Amus. — [*Choffin D.-E.*]. Amusemens philologiques; ou mélange agréable de diverses pièces. . . 2 éd. Halle, 1755—1764. Т. 1—3. Первое изд.: 1749—1761.
- Gram. — [*Choffin D.-E.*]. Nouvelle grammaire à l'usage des dames, et des autres personnes qui ne savent pas de Latin.=Neue französische Grammatik zum Besten des Frauenzimmers, und anderer Personen die das Latein nicht verstehen. . . Berlin, 1755. Т. 2. Первое изд.: 1747.